
ЧИТАЯ ДЖЕЙМСА СКОТТА: ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ФАКТЫ И МЕЛОДИЯ ВЛАСТИ

---

*В.П. Макаренко,
А.И. Рюмина
Южный федеральный университет*

Аннотация: В статье предложена оригинальная интерпретация книги Джеймса Скотта «Благими намерениями государства. Почему и как проваливались проекты улучшения условий человеческой жизни» (М.: Университетская книга, 2005).

Ключевые слова: бюрократический империализм, бюрократическое государство, планирование, стандартизация.

От Дэвида Юма берет начало традиция рассматривать государство как искусственное изобретение. Однако Дуглас Норт с коллегами в свежей книге выдвигает интересное сравнение: Месопотамия III тысячелетия до н. э., Британия при Тюдорах и современная Россия при Путине — это «естественные государства». При этом Норт приводит множество аргументов, которые нуждаются в систематическом анализе. Среди них и такой: Путин в России сосредоточился на экономических реформах, чтобы получить экономические ресурсы для укрепления своей власти, но как только стало ясно, что цены на нефть будут продолжать расти, он отказался от реформ [Норт, Уоллис, Вайнгаст 2011: 84, 246]. Отсюда ясно, что один из признаков «естественного государства» — использование экономических ресурсов для укрепления личной власти и право высшего лица государства принимать решения об этом. А каковы другие признаки «естественного государства»?

Контекст проблемы

Уже в либерализме XIX века был сформулирован тезис о необходимости ограничить государство функциями ночного сторожа. В середине XIX века Карл Маркс назвал государственную машину «организмом-паразитом» и выдвинул тезис об «отмирании государства» в будущем обществе. В конце XIX века Фридрих Ницше назвал государство «холодным чудовищем». Однако попытки практического воплощения этих концептов обнаружили в очередной раз иронию истории.

Отношение к указанным философско-политическим концепциям было различным. Независимо от различий можно зафиксировать общую практическую тенденцию: в начале XX в. в мире существовало около 60 государств, в конце столетия их уже было около 240. За сто лет число политических «холодных чудовищ» выросло примерно в четыре раза. Следует ли

считать такой рост нормой социально-политического развития или же следствием непоследовательности и ненормальности либеральных, марксистских и ницшеанских политиков, идеологов и государственных деятелей, ангажированных в этот процесс?

Начнём с напоминания некоторых фактов. В XX произошли две мировых войны. Они унесли десятки миллионов жизней. Общее число войн и военных жертв в мире на протяжении XX в. оказалось больше, чем во всей предшествующей истории. В результате первой мировой войны распались Османская и Австро-Венгерская империи, часть бывших регионов Российской империи получила статус самостоятельных государств. В итоге второй мировой войны рухнул Третий рейх в Германии, начался распад Британской империи, произошло восстановление Российской империи в виде Советского Союза, который все же распался в конце XX в. Устойчивая тенденция распада больших государств обозначилась уже в середине XX в., но одновременно произошёл рост диктатур в малых и средних государствах, а также возросло число локальных войн [Кор 2007].

В XX веке состоялось большое число политических революций, которые обычно происходили под флагом создания нового государства ради независимости или справедливости. Следствия революций оказались противоречивы. Но можно утверждать вполне определённо: Марксова программа отмирания государства при ее воплощении на практике в СССР обернулась его небывалым усилением. В конце XX в. определилась общая тенденция упадка государства и его институтов — государственных хозяйственных предприятий; систем социального страхования; систем правосудия; тюремных систем; вооружённых сил и полиции; государственных школ, СМИ и статистических аппаратов. Все эти государственные службы сокращаются по всему миру [Кревельд 2006: 512].

XX век начинался множеством обещаний улучшить «судьбу человека». Но их реализация привела к тому, что на протяжении ста лет уничтожили больше людей, чем во всей предшествующей истории. Наиболее преуспели в истреблении собственного населения советские и китайские коммунисты. Первые осуществили коллективизацию, вторые — «большой скачок». По этим примерам другие государственные деятели сгоняли людей в деревни в Танзании, Мозамбике, Эфиопии, строили города в Индии и Бразилии. Во всех случаях страдало население. Инициаторы и исполнители таких проектов уходили от ответственности.

Каковы причины такого положения вещей? Американский профессор Джеймс Скотт для ответа предлагает изучать природу государства. Такой подход делает его книгу особенно интересной для России. Здесь государство всегда выступало в облике земного бога. А нынешнее придаёт социальным потребностям ранг «национальных проектов». Надо разобраться в природе государственной добродетели.

Е.А. Осокина проанализировала концепцию «повседневного сопротивления», которую разработал Джеймс Скотт для описания поведения крестьян¹. На основе критического разбора концепции Д. Скотта Е.А. Осокина ввела понятие **сопротивляемости как формы социального иммунитета**. Эта понятие помогает описать сопротивление не чужим оккупантам, а «своей» власти. Дело в том, что в обществах типа Советского Союза и нацистской Германии трудно провести границу между неповиновением, приспособлением и сотрудничеством с властью [Осокина 2011]. Но указанное различие необходимо в аналитических целях.

Каковы же общие причины сопротивления государству? Для ответа вчитаемся в книгу Скотта.

Смертельная опасность

Государство всегда было врагом кочевников, скотоводов, охотников-собирателей, цыган, бездомных, странников, беглых рабов и крепостных. Вся история государства — это беско-

¹ Повседневное сопротивление — это реакция крестьян на подавление их государством.

нечные попытки организации населения для обеспечения сбора налогов, воинской повинности и предотвращения волнений. Государству нужна была «карта» земель и людей. Как сделать общество прозрачным? — такова центральная проблема государственного управления. Но мало кто задумывается о том, что на протяжении большей части истории государство было слепцом. Вплоть до Нового времени оно ничего не знало о благосостоянии, землях, урожаях, местонахождении подданных. Скотт детально описывает **природу государственной слепоты**.

Государство стремилось к власти над людьми и природой, подданными и средой их обитания. Чтобы достичь власти, оно использовало проекты научного лесоводства, сельского хозяйства, устройства плантаций, колхозов, деревень, стратегических поселений. Все они направлены на то, чтобы сделать территорию, производство и рабочую силу доступной обзору и управлению сверху и из центра. Для этого государство инициировало создание постоянных фамилий, мер и весов, земельного кадастра, переписи населения, прав собственности на землю, стандартизацию языка, правовых норм, городов и транспорта.

Во всех случаях осуществлялся перевод социальных иероглифов в удобный формат для бюрократии. Социальные упрощения позволяли наладить сбор налогов, призыв рекрутов, санитарии, политический надзор и помощь бедным. Во всех случаях возрастало вмешательство государства в жизнь граждан. Государственные упрощения представляли не истинную деятельность общества, а лишь тот ее срез, который **интересовал официального наблюдателя**. Такой подход к управлению государством позволяет рассмотреть **все неудачи** в развитии стран Восточной Европы и третьего мира.

Исследование Скотта посвящено доказательству главного тезиса: все трагедии социальных проектов государства есть следствие сочетания четырёх элементов, каждый из которых способствует развёртыванию бедствий: бюрократическое стремление упорядочить природу и общество на основе государственных упрощений; идеология высокого модернизма; авторитарное государство, которое стремится воплотить в жизнь указанные проекты; бессильное гражданское общество.

Современное государственное управление есть синтез этих элементов: просматриваемость общества создаёт условия для перестройки общества; идеология высокого модернизма заставляет желать ее; авторитарное государство обеспечивает готовность действовать в соответствии с этим желанием; выведенное из строя гражданское общество позволяет выровнять социальный ландшафт, чтобы на нем строить все заново. Однако спланированный социальный порядок всегда игнорирует существенные черты любой реальности².

Во введении Джеймс Скотт кратко описывает эти элементы.

Государственные упрощения — это инструменты управления государством. Они с равным успехом могут обслуживать как благосостояние и свободу, так и проекты потенциально-го диктатора.

Идеология высокого модернизма — это соединение веры в научно-технический прогресс и рациональность социального порядка с верой в «интересы» как мотор социального развития. Эта вера сложилась на Западе как побочный продукт прогресса науки и промышленности. Высокий модернизм не тождествен научной практике, поскольку «идеология» означает веру вместо учёта закономерностей науки и техники. Носители идеологии высокого модернизма видели рациональный порядок в визуальных терминах. Для них рационально ор-

---

² Это легче всего проиллюстрировать забастовкой типа «соблюдать правила»: она основана на том, что любой процесс производства зависит от неформальных методов и импровизаций, которые никогда невозможно кодифицировать. Скрупулёзно соблюдая правила, рабочие могут остановить производство. Точно так же правила воплощения планов города, деревни, колхоза не годились для создания социального порядка. Формальная схема паразитировала на неформальных процессах, создавать или поддерживать которые она не могла. Подавление неформальных процессов означало провал: терпели неудачу те, для счастья которых был задуман этот проект, в конечном счёте и сами проектировщики тоже.

ганизованный город, деревня, ферма был поселением, которое *выглядело* геометрически упорядоченным. Если планы терпели неудачу, носители идеологии высокого модернизма пытались создать микропорядок в образцовых городах, деревнях и фермах. Даже капиталисты действовали по указке государства ради реализации его планов. Крупные чиновники и главы государств предпочитали такие формы планирования и социальной организации (огромные дамбы, централизованная связь и транспорт, большие фабрики и фермы, города, выстроенные по схеме), которые были удобны для носителей идеологии высокого модернизма и отвечали политическим интересам бюрократии. **Поэтому существует связь между высоким модернизмом и интересами государственных деятелей**³.

Сочетание стало смертельно опасным, когда к первым двум элементам присоединилось *авторитарное государство*. Оно использует всю власть для воплощения в жизнь упомянутых проектов. Наиболее подходящее время для этого — войны, революции, депрессии, борьба за национальное освобождение. В эти времена приходят к власти элиты, которые отрываются от прошлого и предлагают революционные проекты. Чрезвычайные обстоятельства способствуют узурпации чрезвычайных полномочий и делегитимизации предыдущего режима.

Обессиленное *гражданское общество* неспособно сопротивляться государственным планам. Война, революция, экономический крах резко ослабляют гражданское общество и повышают тягу масс к переделу собственности. Поздний колониализм, который управляет оппозицией с помощью грубой силы, тоже находится в этом ряду.

Итак, из чтения книги Скотта можно сделать первый общий вывод: для современного человека объектами сопротивления должны стать государственные упрощения, идеология модернизма, авторитарное государство и обессиленное гражданское общество.

Рассмотрим эти элементы подробно для уяснения основных аргументов Скотта.

Что такое государственные проекты?

Специфика государственных проектов описана Скоттом при анализе двух тем: природа и пространство; города, люди и язык. Стремление насадить порядок в природе породило **идеологию утилитаризма**. Слово «природа» было заменено термином «природные ресурсы». Деревья стали «древесиной», «бросовым» лесом, «подлеском». Растения стали «урожайными культурами» или «сорняками», а питающиеся ими насекомые — «вредителями». Животные становятся «дичью» или «домашним скотом», а конкурирующие с ними или питающиеся ими — «хищниками» и «вредителями». Утилитарист обращает внимание лишь на те аспекты окружающего мира, которые можно использовать для нужд человека. По этой логике из целостного мира природы выделяют те виды флоры и фауны, которые имеют утилитарную ценность (т. е. пользуются спросом на рынке).

Современное лесоводство восходит к статье «лес» в энциклопедии Дидро. Эта статья посвящена пользе лесоматериалов, налогам, доходам и возможной прибыли от лесоводства. В результате лес как среда обитания исчез. Его заменил лес как экономический ресурс, которым нужно управлять. Основа утилитарного подхода к лесу — **совпадение** коммерческой и бюрократической логик. Абстракции чиновников отражают финансовые интересы их нанимателя.

---

³ Социальной почвой высокого модернизма были проектировщики, инженеры, архитекторы, учёные и техники, чьи навыки и статус используются для проектирования нового порядка. Его представители находились среди левых и правых. Особенно часто они попадались среди тех, кто хотел использовать государственную власть, чтобы вызвать изменения в народных привычках работы, образе жизни, моральном поведении и мировоззрении. Это утопическое видение не было опасным в либеральных парламентских обществах, где планировщики должны были договариваться с организованными гражданами.

Тип абстрактной, утилитарной логики, применяемой государством к лесу, не уникален. Но примечателен тем, что позволял государству навязать эту логику действительности. В абстрактном лесу учёного-лесоведа правила расчёт, измерение и три принципа: минимум разнообразия, строгий баланс, стабильность заготовок. Логика государственного лесоводства стала идентичной логике коммерческой эксплуатации⁴. Коммерческая и бюрократическая логика оказались синонимами; эта система обещала максимизировать производство и доставку на большие расстояния одного товара и в то же время давала возможность централизованного управления.

На протяжении XIX в. принципы научного лесоводства применялись во всех лесах Германии. В естественном лесу три четверти составляют лиственные разновидности. Теперь их заменили хвойными, в которых норвежская ель и шотландская сосна были единственными видами, поскольку они быстро растут и дают ценную древесину. Они стали хлебом насущным для коммерческого лесоводства. Монокультурный лес стал бедствием для крестьян. Они лишились пастбищ, продовольствия, сырья и лекарств, которые давал естественный лес.

Сырые и обработанные социальные факты. Государство было заинтересовано в коммерческой древесине и получении дохода. Поэтому оно стремилось уменьшить сложность леса, свести ее к малому числу измерений. Лес администраторов — это не лес натуралистов. В XX веке объектом количественных измерений стало общество. Этот процесс шёл под флагом рационализации и централизации: определены категории людей и вещей; изобретены меры; сведены к денежному эквиваленту земля и товары.

Учёный-лесовод не заинтересован в описании экологии леса. Природный мир и реальное взаимодействие людей не годятся для административной манипуляции. Общество тоже сложно и разнообразно. Но бюрократия представляет его упрощенно, неадекватно. Она не заинтересована в целостном описании общества. Ее абстракции и упрощения направлены на три цели: налогообложение, политический контроль, воинская повинность.

В качестве примера Скотт приводит Францию XVII в. Там были распространены косвенные налоги — акцизы на соль и табак, пошлины, продажа лицензий, торговля чинами и титулами. Ими было легко управлять, они требовали немного информации о владении землёй и доходе от нее. Земля дворянства и духовенства не облагалась налогами. Их бремя перекладывалось на горожан, фермеров, крестьян. Общинная земля была важным ресурсом для бедноты, но не приносила доходов государству.

Абсолютистское налогообложение было безумно — т. е. изменчиво и несистематично. Главный прямой земельный налог часто не платился вообще. Ни одно сообщество не платило больше трети причитающегося с него налога. Поэтому государство полагалось на исключительные меры, чтобы восполнить нехватки дохода или оплатить новые расходы. Государство устанавливало «принудительные ссуды»: ренты и платы за отчуждение прав в обмен на обязательства, которые оно выполняло и не выполняло; продавало должности и титулы; облагало налогами печи; определяло войска на постой. Постой войск — обычный способ финансового наказания. Он соотносится с современными формами налогов так, как четвертование потенциальных врагов короля — с современными формами изоляции преступников.

---

⁴ Налицо было стремление к армейскому порядку. Деревья должны были стоять параллельными рядами, удобными для обмера, подсчёта, вырубки. Лес предназначался для выполнения одной задачи и находился в распоряжении одного командующего. Даже не нужно было смотреть на лес; он должен был «вычитываться» из таблиц и карт в конторе лесничего. Управлять этим «построенным по ранжиру» лесом стало удобнее. Деревья одного возраста стояли строгими рядами. Это позволяло легко убирать подлесок, валить и вывозить лес. Новый способ посадки повышал технологичность процессов и позволял использовать письменные инструкции для работников. Производственные задачи могла выполнять необученная и неопытная бригада неквалифицированных рабочих, следующих небольшому числу стандартных правил. Заготовка брёвен одинаковой толщины и длины позволяла успешно предсказывать воспроизводство леса и продавать однородный продукт торговцам древесиной.

Государство испытывало недостаток в информации и в административных схемах. Оно хотело получать от подданных надёжный доход, близкий к их фактической способности платить. Но деревья не способны к политическому действию, а крестьяне выступали против налогов с помощью тихого сопротивления, уклонения и прямого восстания. Надёжный способ налогообложения зависел не только от выяснения экономических условий, но и от решения вопроса: каким требованиям подданные будут энергично противодействовать?

Примером для Скотта служит борьба за установление единых мер, весов и кадастров. Каждое действие требовало большой, дорогостоящей, долгосрочной кампании ввиду явного сопротивления населения и местных властей. Последние часто пользовались выгодами неразберихи из-за различия интересов и миссий отдельных звеньев бюрократического аппарата. Но в конечном счёте единые меры были приняты и кадастры созданы.

Каждая ситуация иллюстрировала отношения между местным знанием, научными методами и бюрократическими приёмами государства. Местные методы измерения и землевладения были непонятны государству. Они отличались разнообразием и запутанностью, отражавшими множество местных не государственных интересов. Их нельзя было вписать в бюрократическую схему путём удобного, но вымышленного описания. Логика неадекватного описания была обусловлена материальными интересами правителей (финансовыми поступлениями, численностью армии, государственной безопасностью) и поддерживалось всей полнотой государственной власти (отчётностью, судами, насилием). **В итоге псевдоописания подменили действительность, которая никогда не соответствовала навязанным схемам.**

Фальсификация измерений: народные и государственные единицы. Способ измерения всегда связан с ситуацией, моментом времени и местом. Чтобы охватить различные способы измерения земли, надо вообразить множество «карт», построенных в различных координатах. Существуют карты, в которых масштаб страны пропорционален ее населению, а не площади. На этих картах Китай и Индия больше России, Бразилии и Соединённых Штатов, а Ливия, Австралия и Гренландия практически исчезают. Таких карт можно придумать много. Они будут описывать землю в единицах работы, урожая, типа почвы, доступности, способности обеспечить пропитание. Ни одна из них не будет соответствовать площади. Все измерения — *местные, заинтересованные, контекстные и исторически определённые*. Виды на урожай, рабочая сила, сельскохозяйственная технология, погода постоянно меняются. Поэтому стандарты оценки тоже меняются производно от места и времени. Такое множество карт создаст безнадёжно запутанную картину местных стандартов, которые невозможно выстроить в единый статистический ряд, позволяющий государственным чиновникам делать значащие сравнения.

Политика измерений. Искусство управления государством и измерения. Местные стандарты измерения были привязаны к практическим потребностям, отражали специфические образцы культур и сельскохозяйственную технологию, меняющуюся с климатом и экологией. Они служили признаком власти, инструментом утверждения классовых привилегий, находились в центре классовой борьбы и образовали проблему для управления государством. Усилия по упрощению и стандартизации единиц измерения проходят через всю французскую историю. Попытки простой кодификации местных методов давали быстро устаревавшие результаты. Министры короля столкнулись с клубком местных измерительных кодов, каждый из них требовал расшифровки. Каждый район говорил на собственном диалекте, непостижимом для посторонних и меняющемся без предупреждения. Государство рисковало просчётами из-за плохого знания местных условий или было вынуждено полагаться на советы местных проводников — знать и духовенство, которые использовали преимущества своего положения.

Непонятность местных методов измерения была не только административной головной болью. Она ставила под угрозу самые важные аспекты государственной безопасности:

1. Снабжение продовольствием — ахиллесова пята государства раннего модерна; за исключением религиозной войны, ничто так не угрожало целостности государства, как нехватка продовольствия, заканчивающаяся социальными переворотами. Без сопоставимых единиц измерения было невозможно контролировать рынки, сравнивать региональные цены на основные предметы потребления и эффективно регулировать поставки продовольствия. Государственные структуры были вынуждены искать свой путь на основе отрывочной информации, слухов и своекорыстных сообщений с мест. Поэтому их решения были запоздалыми и неадекватными.

2. Справедливость налогообложения не могла быть достигнута государством, потому что оно не знало основные элементы сравнения урожаев и цен. Из-за недостоверных сведений меры государства по сбору налогов, реквизиции для военных гарнизонов, уменьшению городских недостатков могли вызвать политический кризис. Но даже если эти меры не подрывали государственную безопасность, смешение различных способов измерений порождало громадные несоответствия и финансовые цели не достигались. Эффективный центральный контроль и сравнение цен были невозможны без стандартных единиц измерения.

Государство пошло по пути упрощения и стандартизации измерений

Землевладение: местная практика и финансовые упрощения

Местные обычаи — это не законы. Обычаи — это действующие практические договорные отношения, которые непрерывно приспосабливаются к новым социальным обстоятельствам, включая отношения с властью. Системы землевладения, основанные на обычаях, зависят от рода, статуса и происхождения. Но их гибкость допускает микрорегулирование, ведущее к изменениям существующей практики.

Правителям послереволюционной Франции пришлось противостоять сельскому обществу, отношения в котором сплетались под влиянием феодальных и революционных порядков. Разобраться или устранить эти сложности было невозможно. Идеологические обязательства равенства и свободы противоречили сельским договорам, а также договорам ремесленных гильдий, употреблявшим слова «хозяин» и «слуга». Правители новой нации были озабочены отсутствием общей юридической структуры социальных отношений. Для некоторых казался достаточным новый гражданский кодекс, распространяющийся на всех французов. Но для буржуазных владельцев сельской собственности подробный *сельский свод законов* казался необходимым для гарантии их безопасности.

В конечном итоге ни один послереволюционный сельский свод законов не понравился победившей коалиции. По причине *запутанности форм общинного землевладения* было принято историческое для государства решение обложить налогом систему собственности в соответствии с финансовой схемой. Примерами для Скотта служат дореволюционные русские деревни Новоселок и Хотиница; их проблемы не разрешило ни власть Российской империи, ни советская власть, поскольку та и другая использовали методы принудительного захвата.

Государственная налоговая администрация базируется на той же логике, что научное лесоводство: требует бюрократической формулы, которую новый чиновник может быстро уяснить и в дальнейшем управлять с помощью документа из своего офиса

Государственные упрощения всегда статичнее и схематичнее реальных социальных явлений. У фермера не бывает средних урожаев, ливней и цен на продукцию. Налоговые бунты в Европе Нового времени объясняются несоответствием между жесткими требованиями налоговых служб и неготовностью населения выполнить эти требования. Но и самая беспристрастная налоговая система может функционировать только на основе установленных еди-

ниц измерений и схем расчётов. Она отражает реальную сложность деятельности фермера не больше, чем схемы учёного-лесовода отражают картину реального леса⁵.

Пропасть между зафиксированными на бумаге и реальными фактами особенно велика в моменты социальных беспорядков и восстаний. Но и в спокойные времена всегда есть теневая система землевладения, не отражённая в официальных отчётах. Местная практика никогда не соответствует государственной теории. Все централизованные государства признали ценность единой кадастровой карты, которая никогда не соответствовала действительности. Кадастровая картография вводилась раньше и была более обстоятельной там, где централизованное государство могло навязать свою волю слабому гражданскому обществу. Если гражданское общество было хорошо организовано, то кадастровая картография всегда запаздывала и была произвольной и отрывочной⁶.

Вторая глава книги Скотта посвящена проблемам контроля государства над городским населением. Старые города были труднопроходимы. Поэтому власть стремилась составить карты старых поселений, чтобы облегчить управление ими. После революции подверглось рекогносцировке большинство городов Франции. В случае восстания в городе власть хотела обеспечить себе возможность быстрого перемещения в нужное место для его подавления.

Власти стремились преодолеть неразбериху и сделать города более ясными для внешнего глаза. Отношение к городской застройке не отличалось от отношения лесников к естественному хаосу леса. Корни геометрических поселений уходят в военную логику. Стандартный римский военный лагерь имеет преимущества. Солдаты легко осваивают способы его возведения; командиры точно знают расположение своих подчинённых и других отрядов; любой посыльный из Рима точно знает, где искать офицера. Поэтому идея лагерей и городов, построенных по одной схеме, как символ порядка и власти, привлекательна для огромных и многоязычных империй. К тому же город, построенный по логике повторения, удобен для управления и охраны. За мощью города скрывается забота о военной защите государя от внутренних и внешних врагов⁷.

Скотт отмечает три важные особенности геометрически строгих поселений: их упорядоченность обнаруживается при перемещениях не по улицам города, а сверху и снаружи; план города не связан с повседневной жизнью его обитателей; городская недвижимость удобна как стандартизованный рыночный товар. В результате опять происходит **совпадение бюрократической и коммерческой логик**.

Отдельный пешеход не может охватить взором планировку города. Симметрию целого можно усмотреть из схемы (которую каждый может начертить) или из вертолёта, откуда

---

⁵ В колониях новая система владения устанавливалась чужеземными завоевателями. Они использовали непонятный язык и ведомственный контекст. Местная практика землевладения не имела никакого сходства с индивидуальным владением. Например, в Индии долговременная колонизация создала новый класс никогда не живших здесь прежде людей, которые стали полными владельцами с правами наследования и продажи собственности только благодаря тому, что они платили налоги на землю. В то же время буквально миллионы земледельцев, арендаторов и разнорабочих потеряли свои освящённые обычаем права доступа к земле и ее продукции. Те же, кто первым проник в тайны управления новой собственностью в колониях, получили уникальные возможности. Таким образом вьетнамские секретари и переводчики, которые служили посредниками между французскими чиновниками в дельте Меконга и их вьетнамскими подданными, имели возможность сделать огромные состояния.

⁶ Франция была нанесена на карту намного раньше, чем Англия, где профессиональные юристы сумели в течение длительного времени сдерживать эту угрозу приносящей им доход практике. По этой же логике побеждённые колонии, управляемые указом, часто размечались на кадастровой карте метрополии, которая заказала эту карту. Ирландия была первой в этом ряду. После завоевания Кромвелем Ирландия была полностью проинспектирована на предмет земли, зданий, людей и скота под руководством Уильяма Петти, для того чтобы облегчить насилие над нацией англичанами в 1679 г.

⁷ Так, и у Альберти, и у Палладио главные артерии города мыслятся как военные дороги (*viae militares*), которые должны были быть прямыми. По мнению Палладио, «дороги будут тем удобнее, чем они ровнее: то есть на них не должно быть ни одного участка, где бы армии было трудно маршировать».

смотрит на землю Бог или власть. Такое пространственное соотношение присуще процессу городского или архитектурного планирования. Оно предполагает миниатюризацию и моделирование, позволяющие хозяину (проектировщику) смотреть на эти модели сверху вниз. Однако в результате о пластических свойствах и визуальной организации объекта судят с позиций, которые почти никому не доступны⁸.

В таком городе государственным службам легко работать и попадать в отдалённые места. Но эти преимущества сопровождаются *постоянными недостатками*: отсутствие плотной уличной жизни; постоянный надзор со стороны властей; потеря уюта, мест для неформального отдыха и чувства соседства. Строгий геометрический порядок городской планировки формален. Его стройность несёт ритуальные или идеологические черты парада и казармы. Такой порядок удобен властям, но неудобен жителям.

Городские участки и кварталы являются идеальными объектами для купли-продажи. Эти абстрактные единицы оторваны от любой экологической и топографической реальности. Поэтому они напоминают валюту, которую можно бесконечно накапливать и делить. Такая особенность сеточной планировки одинаково удобна для инспектора, планировщика и торговца недвижимостью.

Такая схема устройства города сложилась в Париже как следствие восстаний и революций. Чтобы облегчить перемещение войск между казармами, расположенными на окраине города, и непокорными районами, был предусмотрен ряд новых проспектов между внутренними бульварами и таможенной стеной. Множество рельсовых и мощёных подъездных путей связывали каждый район города с военными подразделениями, отвечающими за порядок в нем. Новые бульвары на северо-востоке Парижа позволяли быстро перебросить войска из Курбевуа к Бастилии для усмирения беспорядков в Сент-Антуанском предместье. Расположение новых рельсовых линий и платформ было продиктовано такими стратегическими задачами. Непокорные кварталы уничтожались или рассекались новыми дорогами, общественными территориями и торговыми центрами. Обосновывая необходимость ссуды в 50 млн франков для начала работ, Леон Фоше подчёркивал интересы государственной безопасности: «Интересы общественного порядка не меньше, чем интересы охраны здоровья, требуют, чтобы через этот район баррикад как можно скорее была проложена широкая просека» [Скотт 2005: 107].

Возникновение фамилий

После административного деления природы (леса) и пространства (земельной собственности) изобретение постоянных, наследуемых фамилий стало последней предпосылкой создания современного государства. Это был государственный проект, предназначенный для идентификации властью большинства граждан. Налоги и церковная десятина, перемещения собственности, списки призывников, перепись населения и владение собственностью в рамках закона были бы невозможны без установления личности граждан и прикрепления их к родовой группе. Мероприятия по установлению постоянных, наследуемых фамилий соответствовали желаниям властей сделать налоговую систему более прибыльной и чёткой. Попытки регистрировать и переписывать людей были предвестниками новых налогов и очередного призыва в армию. Поэтому местные власти и большая часть населения сопротивлялись им.

---

⁸ Миниатюризации в виде макетов городов и пейзажей на практике может способствовать полет на самолёте. Съёмки с высоты птичьего полёта перестали быть просто картографической традицией, результатом соглашения. Аэрофотосъёмка с большой высоты демонстрирует порядок и симметрию того, что на земле может казаться беспорядком. Значение самолёта для современного мышления и планирования чрезвычайно велико. Задавая перспективу, сглаживающую топографические различия на земле, полет даёт возможность снова стремиться к синоптическому видению, рациональному контролю, планированию и пространственному порядку.

Постоянные фамилии были требованием властей. Поэтому они возникали раньше всего там, где складывались ранние государства. Тому главный пример Китай⁹. До XIV в. большинство населения Европы не имело постоянных родовых имён¹⁰. Люди откликались на данные лично им имена, и этого было вполне достаточно, чтобы их узнавали в данной округе. При необходимости добавлялись определения рода занятий (в Англии — кузнец, пекарь), географического местоположения (холм, опушка леса), физические отличия (коротышка, силач). Эти определения не были постоянными, не переживали своего носителя, кроме случаев, когда сын продолжал дело отца.

Универсальные фамилии — недавнее историческое явление. Государство стало обладателем ясных имён и фиксированных адресов. Ему становилось проще проследить право собственности и наследования, собирать налоги, поддерживать судопроизводство и деятельность по охране правопорядка, производить мобилизацию солдат на военную службу и контроль эпидемий. При полной инвентаризации населения государство преследовало утилитарные цели. Но любопытно, что либеральные идеи введения гражданства, подразумевавшего право голоса на выборах и всеобщую воинскую повинность, тоже внесли вклад в стандартизацию методов присвоения имён¹¹.

Процесс присвоения фиксированных фамилий до сих пор продолжается во многих странах третьего мира и вдоль «территориальных границ народностей» в более развитых странах. На сегодняшний день имеется много других стандартных установлений государства,

⁹ Примерно в IV в. до н.э. династия Чин стала внедрять использование фамилий для большинства населения и записывать их с целью введения налогов, принудительного труда и призыва в армию. Благодаря этому возник термин «лаобайксинг», переводимый как «сто старых фамилий». В современном Китае он означает «обычные люди». До этого китайские родовые имена были приняты в правящих домах и простыми людьми не употреблялись. У них не было фамилий, и они не пытались имитировать обычаи элиты. Наделение семей фамилиями было частью государственной политики по введению статуса главы семьи (мужчины), обеспечивающего его юрисдикцию над жёнами, детьми и молодыми членами семьи, и обязывало его платить налоги за всю семью. Эта политика династии Чин требовала регистрации всего населения, вследствие чего была упорядочена путаница имён, которыми люди называли друг друга. Люди получили «хсинг» [фамилии], которые должны были передаваться из поколения в поколение по отцу бесконечно. Установление постоянных фамилий и создание патриархальной семьи — первое государственное упрощение.

¹⁰ Исландия — единственная европейская страна, в которой к концу XX в. не были приняты постоянные фамилии. Вопрос о возрасте, как и вопрос о владении землёй, был значим для государства и для обычной практики. В местной практике точный возраст человека был не важен. Существеннее были примерное число лет и порядок рождения (например, старший сын, младший сын), в *catasto* это отражено тенденцией считать возраст в числах, кратных пяти или десяти (например, 35, 40, 45, 50 и 60 лет). Однако для государства точный возраст был важен по нескольким причинам. Возраст «взрослой финансовой жизни», как и возраст воинской повинности, наступал в 18 лет, и каждый человек старше 60 лет не был обязан платить подушный налог. Поэтому декларации были переполнены демографически невероятными сведениями о возрасте ниже 18 и более 60. Указание возраста в строгом хронологическом смысле было государственным проектом. В Турции фамилии были приняты только в 20-е годы XX в. как часть кампании модернизации Ататюрка. Костюмы, шляпы (а не фески), постоянные фамилии и современный статус государственности — все принималось вместе в схеме Ататюрка. Реза Шах, отец свергнутого шаха, приказал всем иранцам брать в качестве фамилии название города, где они жили, чтобы навести порядок в фамилиях, употреблявшихся в стране. Таким образом, Али Акбар Рафзаньяни означает Али Акбар из Рафзаньяна. Хотя при такой системе фиксируется местожительство представителей того поколения, которое приняло ее, в масштабе города Рафзаньяна ее преимущества сомнительны. Разве что государство особенно заинтересовано в контроле тех, кто передвигается или вообще кочует.

¹¹ Примером может служить законодательное присвоение постоянных фамилий западноевропейским евреям, у которых не было такой традиции. Декрет Наполеона о евреях, не имеющих закреплённых фамилий и имён в 1808 г. установил обязательность фамилий. Австрийское законодательство в виде составляющей процесса социальной эмансипации потребовало от евреев выбрать себе фамилии, если же они отказывались, то обязаны были принимать фамилии, выбранные для них чиновниками. В Пруссии уровень социальной эмансипации евреев был пропорционален количеству принятых фамилий. Многие иммигранты в Соединённые Штаты, евреи и не евреи, не имели постоянных фамилий, когда они решились переселиться в эту страну. Однако очень немногим удалось сделать это только с помощью своих основных документов до принятия официальной фамилии, которую до сих пор носят их потомки.

улучшивших его возможности идентификации человека. Свидетельства о рождении и смерти, уточнённые адреса (более конкретные, чем высказывание «Джон, живущий на холме»), удостоверения личности, паспорта, социальные номера, фотографии, отпечатки пальцев и введённые совсем недавно ДНК-профили заменили такой грубый инструмент, как постоянная фамилия. Но фамилия была первым и решающим шагом в создании чёткого индивидуального гражданства и наряду с фотографией все ещё занимает первое место в идентификационных документах.

Официальный язык

Язык — наиболее эффективная гарантия того, что доступный для восприятия изнутри социальный мир останется непрозрачным для чужаков. Для автономии язык важнее топографии. В нем отражена своеобразная история, культура, литература, мифология и музыка. Уникальность языка представляет препятствие для государственной осведомлённости в делах автономии, колонизации, контроле деятельности, обучении, пропаганде.

Введение единого официального языка было самым могущественным средством государственных упрощений как предпосылки многих других упрощений. Юджин Вебер на примере Франции предлагает рассматривать этот процесс как разновидность *внутренней колонизации*, при которой разноязычные провинции (Бретань и Аквитания) были лингвистически подчинены и культурно объединены. С первых шагов, направленных на использование французского языка, стало ясно, что целью государства была доступность местной практики для контроля. Чиновники настаивали, чтобы каждый юридически законный документ (завещание, документ купли-продажи, акт ссуды, контракт, рента, имущественное дело) оформлялись на французском языке. Документы на местном языке были труднодоступны для чиновника, присланного из Парижа. Их было невозможно привести в соответствие с централистскими схемами юридической и административной стандартизации. Кампания лингвистической централизации проводилась совместно с распространением государственной власти. К концу XIX в. взаимодействие с государством стало неизбежным для всех. Петиции, судебные дела, школьные документы, заявления и обращения к должностным лицам были составлены на французском языке. Таков эффективный способ обесценивания местных знаний и приобретения привилегированного положения всеми, кто овладел официальным языком. Это было гигантское изменение во власти. К тем, кто плохо владел французским, относились как к немым, к маргиналам. Им требовались местные проводники к *новому государственному культурному слою*, возникшему в лице юристов, нотариусов, школьных учителей, клерков и солдат.

За лингвистической централизацией скрывался культурный проект. Французский язык означал принадлежность к национальной цивилизации; целью его навязывания было не просто заставить провинциальных жителей усвоить кодекс Наполеона, но и познакомить их с Вольтером, Расином, парижскими газетами, приобщить к национальному образованию. По резкому замечанию Вебера, «не может быть более ясного выражения имперского чувства, чем приверженность белого человека франкофонии, чьи первые победы должны были быть одержаны в первую очередь дома». Там, где некогда господство латинского языка обусловило участие небольшой элиты в более широкой культуре, теперь власть французского языка определяла полноту участия во французской культуре. В иерархии культур проявлялась скрытая логика, низводящая местные языки и региональные культуры к провинциализму. На вершине этой пирамиды находился Париж и его учреждения: министерства, школы, академии. Успех этого культурного проекта зависел от возможностей принуждения и от побуждающих мотивов. Эта централизация позволила создать Францию, несмотря на сопротивление и безразличие французов. Франция — это политическое сооружение, для создания которого центральная власть никогда не прекращала борьбы». Стандартный французский и Париж были

фокусами власти и центрами притяжения. Рост рынков, мобильность населения, новые карьеры, политическое покровительство, общественные службы и национальная образовательная система — все это означало, что освоение французского языка и связи с Парижем были путями социального продвижения и материального успеха. Такое упрощение обещало вознаграждать тех, кто подчинится ему, и наказывать тех, кто его игнорирует.

Централизация дорожного движения

Централизация языка сопровождалась централизацией дорожного движения. Париж стал центром национальной коммуникации. Новые шоссейные и железнодорожные системы способствовали движению в Париж и обратно по межрегиональным и местным дорогам. Все это сделало провинции более доступными и прозрачными для центральных властей.

Представим *нецентрализованную* и *централизованную* систему коммуникации. Нецентрализованную систему можно представить в виде карты фактических маршрутов товаров и людей, *не* созданных по административному указу. Эти маршруты не были случайными, они отражали удобство поездок по долинам, вдоль водоёмов и вокруг ущелий, а также расположение важных ресурсов и обрядовых мест. Если ради чистоты аргументации представить себе место, где равномерно распределены физические ресурсы и нет никаких больших препятствий передвижению, тогда сформируется карта дорог, напоминающая систему капиллярного кровообращения.

Расположение дорог никогда не было случайным. Рыночные города всегда представляли собой небольшие населённые пункты на удобных местах, рядом с религиозными святынями, карьерами, шахтами и другими важными объектами. Во Франции сеть дорог отражала централизующие амбиции местных правителей и национальных монархов. Начиная с Кольбера, все государственные деятели стремились создать сетку административной централизации. В любом случае она должна была спрямить шоссе, каналы и железнодорожные линии, исходящие из Парижа как спицы колеса.

Подобие между этой сеткой и системой просек управляемого государственного леса не было случайным. То и другое было изобретено для того, чтобы сделать максимально удобной связь и облегчить центральное управление. Чиновнику из центра теперь было намного легче добираться до А или В по новым маршрутам. План дорог был разработан так, чтобы они служили правительству и городам, а отсутствие сети вспомогательных путей объяснялось обычаями или потребностями народа. Административные шоссе были построены так, чтобы по ним войска могли маршировать, а налоги — достигать казны. Однако желающему проехать или перевезти товары из А в В сделать это было не так просто. Подобно тому, как все документы должны были «пройти» официальную правовую проверку, так и большинство коммерческих грузов приходилось провозить через столицу.

Усовершенствования дорожного движения имели огромные последствия, большая часть которых была направлена на соединение провинциальной Франции и ее жителей с Парижем и государством, а также на облегчение развёртывания войск из столицы для подавления гражданского волнения в любом районе страны. Использование дорог было нацелено на военный контроль над нацией, который в самой столице был уже достигнут. Это позволило Парижу влиять на экономику за счёт провинций, облегчить финансовый и военный контроль центра, а также ослабить побочные культурные и экономические связи, укрепляя иерархию власти. Одним ударом это отбросило отдалённые области на задворки — точно так же, как официальный французский оттеснил местные диалекты.

Внутренние колонизаторы

В заключение первой главы Скотт резюмирует основные ошибки политиков и бюрократии. Они оценивают жизнь общества по параметрам, отдаленным от действительности. В итоге диаграммы и таблицы учёных-лесоводов не точно отражают реальный лес. Кадастровая карта и документ права собственности являются грубыми или ложными представлениями существующих фактических прав использования и распоряжения землёй. «Функционер любого большого ведомства «видит» интересующую его человеческую деятельность через призму упрощённых документов и приблизительных статистических данных: налогообложение, списки налогоплательщиков, земельные отчёты, среднестатистические доходы населения, число безработных, уровень смертности, данные о коммерческой деятельности и производительности, общее число случаев заболевания холерой в некотором районе» [там же: 126–127].

Эта типизация необходима для управления государством. Государственные упрощения (карты, переписи, кадастровые списки, стандартные единицы измерения) представляют способы отражения сложной действительности. Они нужны для того, чтобы чиновники могли постичь общую картину и упростить сложную действительность до схематических категорий. Единственный путь выполнить это — свести бесконечное множество деталей в набор категорий, которые облегчат итоговые описания, сравнения и группирования. Изобретение, разработка и использование этих абстракций представляет огромный скачок в возможностях государства — в переходе от сбора дани и косвенного управления к налогообложению и прямому управлению. Косвенное управление требует минимального государственного аппарата. Но оно вынуждено опираться на местную элиту, которая была заинтересована придержать ресурсы и информацию, идущие из центра. Прямое управление разожгло сопротивление и вызвало частичное ограничение власти центра. Зато чиновники впервые получили прямую информацию и приблизились к непонятному для них обществу.

*Такова способность продвинутых методов прямого управления — при простом подытоживании известных фактов обнаруживать новые социальные истины*¹². Подобные типизированные факты являются *могущественной формой государственного знания*, позволяющей чиновникам вмешиваться на ранних стадиях в эпидемии, разбираться в экономических тенденциях, влияющих на общественное благосостояние, оценивать, имеет ли проводимая ими политика желаемый успех, и строить политику, имея в распоряжении много решающих фактов.

Но хотя способы надзора власти над обществом значительно усовершенствовались, управляющие ими политические мотивы — присвоение, контроль, манипуляция — не изменились. Государство грубо вмешивается в жизнь общества, если у него нет надёжных средств пересчитать население, указать, где оно находится, оценить его благосостояние и наладить картографирование земли, ресурсов и поселений. Труднодоступное для государства общество может изолироваться от некоторых форм государственных вмешательств, как охотно принимаемых (универсальные прививки), так и вызывающих возмущения (личные подоходные налоги). Для вмешательства обычно используются местные уроженцы, которые знают общество изнутри и преследуют при этом свои собственные интересы. Но без этого посредничества действия государства будут неэффективными, требующими слишком больших усилий.

Государство может быть грабителем и благодетелем общества. Непрозрачное общество мешает любому государственному начинанию. Пока государство хочет захватить пару тонн зерна и поймать десяток призывников, его невежество не фатально. Но если государство требует от граждан изменить привычки (гигиена, здоровый образ жизни) или выполнять опре-

¹² Центр по контролю заболеваний в Атланте служит этому примером. Сеть типовых больниц Центра позволила ему первому «обнаружить» такие ранее неизвестные болезни, как токсический шоковый синдром, болезнь легионеров и СПИД.

делённую работу (квалифицированный труд или обслуживание сложных механизмов), такое невежество становится опасным. Полностью доступное взору государства общество устраняет местную монополию на знания и обеспечивает прозрачность государства благодаря единообразию кодексов, удостоверений, статистики, инструкций и мер измерения. Одновременно оно создаёт новые преимущества позиций «на вершине» — для тех, кто владеет знаниями и имеет доступ к дешифровке нового формата государственных документов.

При этом вмешательства могут быть дискриминационными и смертоносными¹³. Деятельность нацистских властей имела смертоносную цель, но средством для ее успешного выполнения стала чёткость властей Голландии. Эта чёткость усиливает способность государства к дискриминационным вмешательствам.

Доступность обозрению подразумевает наличие наблюдателя, который находится в центре и может разглядывать пейзаж. Виды государственных упрощений предназначены для того, чтобы обеспечить власть схемой общества. Такое представление недоступно человеку без властных полномочий. Американские полицейские на скоростных шоссе надевают зеркальные солнцезащитные очки. Так и власть с помощью упрощений может наблюдать только определённые аспекты жизни общества. Эта позиция удобна для тех учреждений, где важнее всего управление и контроль человеческой деятельности. Монастырь, казармы, заводские корпуса и бюрократия выполняют много функций, подобных государственным, и часто подражают его информационной структуре.

Д. Скотт предлагает называть государственные упрощения элементами «проекта создания чёткости». Этот проект ещё не закончился и полностью не осознан. Такие упрощения разворачиваются на разных уровнях, пронизаны погрешностями, упущениями, массой ошибок, мошенничеством, небрежностью, политическим искажением. План создания чёткости присущ любому государственному управлению, стремящемуся к манипуляции обществом. Но он подрывается соперничеством внутри государства, техническими препятствиями, сопротивлением объектов управления.

Государственные упрощения относятся только к тем аспектам социальной жизни, которые интересуют чиновников. Эти факты имеют пять характеристик: 1. Это *утилитарные* факты. 2. Это почти всегда записанные (словесно или цифрами) *документальные* факты. 3. Это *статичные* факты. 4. Это *агрегированные* факты, которые могут быть безличными (плотность сетей дорог) или собранием данных о людях (уровень занятости, уровень грамотности, способы проживания). 5. Для большинства целей чиновникам нужно сгруппировать граждан такими способами, которые позволят им сделать общую оценку. Факты, которые могут быть соединены и представлены в усреднённом виде или в распределениях, должны быть *стандартизованными*. Независимо от особенностей индивидуумов интерес представляет их сходство или различия по стандартной шкале.

Процесс группировки таких фактов требует трех шагов. 1. Создание общих единиц измерения или кодирования (размер деревьев, земельный участок, метрическая система измерения земельной собственности или количества зерна, единообразная практика наименования, степные территории и городские участки стандартных размеров). 2. Каждый объект или событие, попадающее в пределы категории, обсчитывается и классифицируется согласно новой единице оценки (дерево вновь появляется уже как представитель размера группы деревьев; участок сельскохозяйственных угодий — как координаты кадастровой карты; работа — как пример видов деятельности; человек — как носитель имени соответственно новой формуле).

¹³ Примером служит карта, выпущенная городским статистическим центром Амстердама во время нацистской оккупации в мае 1941 г. Вместе со списками граждан эта карта давала возможность подсчитать еврейское население в городе, из которого были депортированы 65 тыс. граждан. В результате была получена полная информация об именах, адресах и этническом происхождении с картографической точностью. Таковы следствия чёткости социальной статистики.

Каждый факт должен быть обновлён и возвращён на ту стадию, где он находился прежде, облачённым в новую униформу официальной выработки — как часть «системы тотальной классификационной сетки». Только в таком «наряде» эти факты могут принимать участие в создании целостной совокупности новых фактов с помощью объединения, следующего логике новых единиц измерения. 3. Обзорные факты, которые используются чиновниками (столько-то тысяч деревьев в данной категории размера; тысяч мужчин в возрасте от 18 до 35 лет; хозяйств данного типа по площади; студентов, фамилии которых начинаются с буквы А; людей, больных туберкулёзом). Объединяя несколько метрик совокупности, можно прийти к прежде неизвестным истинам (распределение туберкулёзных больных по доходам и местам жительства в городе).

Государственные «упрощения» имеют два особых смысла. 1. Данные, которые чиновник должен получить, сводятся в обзорную схему целого, они должны быть выражены на языке, на котором могут воспроизводиться заново. Факты должны терять свое своеобразие и вновь появиться в схематической или упрощённой форме уже как члены класса фактов. При этом чиновники не только обладают более абстрактным и узким видением действительности, чем обычные люди, но и нуждаются в фактах, которые отвечают интересам и методам их институциональных ролей. 2. Группировка сводных фактов влечёт за собой уничтожение (игнорирование) различий, которые в другом отношении могли бы быть приняты во внимание.

В качестве примера приводятся упрощения относительно занятости населения. Трудовая деятельность людей сложна и может меняться изо дня в день. Но для официальной статистики определение «выгодная работа» является типизированным фактом: одни занимаются выгодной работой, другие нет. Кроме того, характеристики многих специфических рабочих мест резко ограничены категориями, используемыми в совокупной статистике¹⁴. Те, кто занимается сбором и интерпретацией сгруппированных данных, понимают, что в их категориях содержится нечто вымышленное, произвольное качество и что они утаивают богатство проблем. Однако эти скудные категории с необходимостью действуют так, как если бы все подобные классифицируемые случаи были в действительности гомогенны и единообразны. Все нормальные деревья в указанном диапазоне размеров подобны, вся почва в определённом классе почв статистически идентична, все автомобилестроители (если у нас классификация по промышленным специальностям) похожи, все католики (если у нас классификация по религиозным верам) одинаковы. Теодор Портер указывает, что есть «сильный стимул предпочесть чёткие и стандартизируемые измерения высокоточным», так как точность бессмысленна, если идентичная процедура не может быть надёжно выполнена в другом месте. Цель состоит в том, чтобы избавиться от субъективизма со стороны сборщиков данных или кодиров-

¹⁴ Здесь возникают три проблемы. 1. Главенство категорий. Как классифицировать человека, обычно работающего на родственников, которые кормят его, позволяют ему использовать часть их земли как собственную платить ему натурой или наличными деньгами? Иногда произвольные решения о том, как классифицировать такие случаи, скрываются в тени конечных результатов, в которых появляются только преобладающие категории Теодор Портер обращает внимание на сообщение чиновников Французской канцелярии национальной статистики, что даже обученные сборщики информации зафиксировали до 20% профессиональных категорий по-разному. Цель статистического офиса состоит в том, чтобы обеспечить максимальную надёжность работы сборщиков информации, даже если соглашения, принимаемые для достижения этой цели, жертвуют государственными интересами. 2. Как категории и особенно стоящая за ними государственная власть формируют данные? Например, во время экономического спада в Соединённых Штатах в 1970-е годы имелись подозрения, что официальный уровень безработицы был преувеличен на 13%. Главная причина, как утверждалось, состояла в том, что многие номинально безработные были заняты «без записей» в неофициальной экономике и не сообщали о своем доходе из страха перед налоговой службой. Можно было говорить тогда, да и сегодня можно сказать, что финансовая система спровоцировала теневую деятельность, которой было суждено остаться вне банка данных. 3. Те, кто собирают и обобщают информацию, могут быть заинтересованы в этих данных. Во время вьетнамской войны число жертв и усмирённых деревень служило мерой успеха командования в антипартизанском движении. Это соблазняло командиров в угоду начальству завышать эти числа.

щиков. Это требует стандартных, механических процедур, которые не оставляют места для личного суждения.

К этой мысли Скотт добавляет следующее утверждение, аналогичное высказанному по поводу научного лесоводства: современное государство с помощью чиновников пытается создать картину природы и населения с такими стандартными характеристиками, которые будут наиболее простыми при контроле, подсчёте, оценке и управлении: «Утопическая, неизменная, постоянно недостижимая цель современного государства состоит в том, чтобы свети хаотическую, беспорядочную, постоянно изменяющуюся социальную действительность к чему-то такому, что было бы приближено к административной сетке наблюдений» [там же: 133]. Искусство управления государством XVIII–XIX вв. свелось к выработке указанного проекта. То был период перехода от дани к налогообложению, от косвенного управления к прямому, от подчинения к уравниванию. Государства старались сделать свое население однородным, искоренить раздробленность, насаждая общие языки, религии, денежные единицы и юридические системы, а также создавая связанные между собой коммерческие системы, транспорт и связь. Современное государство продолжает этот тренд, пытаясь соединить утопию, науку и бюрократию.

Учёный-лесовод мечтает о совершенном лесе, засаженном растениями одного возраста, одного вида, прямыми рядами на прямоугольном равнинном участке, очищенном от подлеска и без всяких браконьеров. Государственный чиновник стремится к совершенно понятному населению с зарегистрированными отличительными именами и адресами, привязанными к плану поселений, населению, которое выбирает определённые классифицированные профессии, а свои сделки полностью документирует в соответствии с разработанной схемой и на официальном языке. Это карикатурное изображение содержит долю истины, которая нужна для понимания грандиозных планов XX века¹⁵.

Затем Скотт выносит резюме: «Стремление к однородности и порядку предупреждает об опасности того несомненного факта, что современное управление государством является в значительной степени проектом внутренней колонизации, часто истолковываемой на языке империалистической риторики как «цивилизующая миссия». Строители современного национального государства не просто описывают, наблюдают и наносят на карту, они стремятся организовать людей и окружающий мир так, чтобы они подходили к их методам наблюдения» [там же: 134].

Эта тенденция характерна для больших иерархических организаций, которые действуют в низменной среде. Чем более статично, стандартизировано и однообразно население и социальное пространство, тем оно чётче и легче поддается приёмам чиновников. Юрисдикция власти сводит цель многих государственных деяний к преобразованию населения, пространства и природы в закрытые системы, не представляющие неожиданностей и лучше наблюдаемых и контролируемых.

Государственные чиновники навязывают свои упрощения, поскольку государство в совокупности институтов наилучшим образом подготовлено к тому, чтобы обращаться с людь-

---

¹⁵ Д. Скотт цитирует отца прусской статистики Эрнста Энгеля: «Чтобы получить точное представление о жизни человека, статистическое исследование должно сопровождать все его земное странствование. Оно учитывает рождение, крещение, вакцинацию, успехи в обучении, усердие, окончание школы, последующее образование и развитие, а в зрелом возрасте — его телосложение и способность носить оружие. Оно также сопровождает последующие его шаги по жизненному пути, учитывает выбранное им занятие, как он основывает свое домашнее хозяйство и управляет им, экономил ли он в юности, заботился ли о старости, когда и в каком возрасте он женится, и кого он выбирает, кто его жена. Статистика заботится даже о том, какие вещи ему подходят, а какие — нет. Статистика принимает во внимание, перенёс ли он кораблекрушение в жизни, подвергся ли материальному, моральному или духовному крушению. Статистика оставляет человека только после его смерти — после того, как она установила точную дату его смерти и отметила причины, которые вызвали его конец». «Трудно представить себе, — иронизирует Д. Скотт, — более полный список государственных интересов начала XIX в. и тот бумажный след, который они вызывали» [Скотт 2005: 146].

ми по своей схеме. Все описанные категории когда-то были искусственными изобретениями кадастровых инспекторов, переписчиков населения, судебных исполнителей и полицейских. Теперь они организуют повседневную жизнь людей, поскольку внедрены государством в специальные институты, структурирующие эту жизнь. Экономический план, топографическая карта, отчёт о собственности, план ведения лесного хозяйства, классификация по этнической принадлежности, банковский счёт, протокол задержания, карта политических границ приобретают силу, так как все эти данные являются отправными пунктами для действительности, как ее чувствуют и формируют чиновники. При диктаторских режимах нет эффективного способа отстаивания другой реальности. Поэтому фиктивные «бумажные» факты преобладают, ведь именно с помощью «бумаг» приводятся в готовность полиция и армия.

Эти бумажные отчёты — действенные факты в судебном разбирательстве, в административном досье и для большинства функционеров. Значит, для государства нет никакой истины, кроме зафиксированной в документах, стандартизированных для этой цели. Ошибка в таком документе может иметь гораздо больше силы и удерживаться гораздо дольше, чем незаписанная истина: «Категории, используемые государственными деятелями, не просто предназначены делать окружение доступным и понятным: они создают мелодию власти, под которую должно танцевать большинство населения» [там же: 135].

Против рынка и государства

Книга Скотта направлена против следующих феноменов современности: империализма как планировщика нынешнего социального порядка; имперского и гегемонического менталитета планирования; капиталистического рынка и бюрократического государства; упрощения социальной науки. Проекты упрощения окружающей среды и упрощённые проекты организации общества в равной степени подвержены риску неудачи. Скотт отстаивает социальное и природное разнообразие и показывает ограниченность знания о функционировании сложных систем.

Скотт отмечает также два обвинения в свой адрес: в восхищении традиционным и общепринятым; в том, что вся его аргументация есть анархистский протест против государства как такового. Государство — институт неоднозначный, лежащий в основе наших свобод и рабства. Некоторые государства руководствуются утопическими планами и авторитарно игнорируют ценности, желания и протесты своих граждан. Такие государства представляют смертельную угрозу человеческому благосостоянию. За пределами этих страшных (но ставших обычными) ситуаций надо каждый раз взвешивать, насколько полезно и чего будет стоить любое вмешательство государства в социальную жизнь.

Скотт создаёт иную парадигму анализа указанных проблем. На материале научного фермерства, индустриального земледелия и капиталистических рынков он показывает, что крупномасштабный капитализм — точно такое же средство гомогенизации, усреднения, схематизации и упрощения, как и государство. Рынок сводит качество к количеству через механизм ценообразования и способствует стандартизации; на рынке говорят деньги, а не люди. Сегодня глобальный капитализм — самая мощная сила гомогенизации, даже если государство иногда защищает местные особенности и разнообразие. Выводы из неудач модернистских проектов социальной инженерии применимы к рыночной и бюрократической стандартизации **одновременно**.

Книгу Джеймса Скотта можно читать как систематизацию проблем, порождаемых рынком и «естественным государством» и до сих пор не решённых. Особенно опасно приписывать государству цивилизующую роль: «Простые люди непреднамеренно способствовали медленному росту государства вокруг них и над ними до тех пор, пока уже не осталось ни возможности выбора, ни сил, чтобы его отвергнуть» [Саутхолл 2000: 131]. Книга Скотта поз-

воляет осознать потерянную возможность и копить интеллектуальные силы для когнитивного сопротивления государству.

Кор Л. 2007. *Распад государств*. — М.: Товарищество научных изданий КМК. — 262 с.

Кревельд М. ван. 2006. *Расцвет и упадок государства*. Пер. с англ. Под ред. Ю. Кузнецова и А. Макеева. — М.: ИРИСЭН. — 544 с.

Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. 2011. *Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества*. — М.: Изд. Института Гайдара. — 480 с.

Осокина Е.А. 2011. О социальном иммунитете, или критический взгляд на концепцию пассивного (повседневного) сопротивления. — *История сталинизма: итоги и проблемы изучения : материалы междунар. науч. конф., Москва, 5–7 дек. 2008 г.* — М.: РОССПЭН: Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина». — С. 387–406.

Саутхолл Э. 2000. О возникновении государств. — *Альтернативные пути к цивилизации: колл. монография* / Под ред. Н.Н. Крадина, А.В. Коротяева, Д.М. Бондаренко, В.А. Лынши. — М.: Логос. — С. 130–136.

Скотт Дж. 2005. *Благими намерениями государства. Почему и как проваливались проекты улучшения условий человеческой жизни*. — М.: Университетская книга. — 576 с.